

DOI 10.22363/2312-9220-2019-24-2-171-178

УДК 821.161.1

Христианские мотивы в рассказе о народном ополчении 1611—1612 гг. в «Новом летописце»

О.А. Туфанова

Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук
Российская Федерация, 121069, Москва, ул. Поварская, 25А

Рассказ о народном ополчении 1611—1612 гг. в составе Нового летописца (1630) пронизывает идея очищения Московского государства, тесно связанная с идеей защиты истинной православной веры. Специфика рассказа о событиях 1611—1612 гг., наблюдаемая в Новом летописце, нашедшая выражение в сочетании мотивов, отражающих реальные действия по организации ополчения, и мотивов упования на Божью помощь и помощи Бога и чудотворцев свидетельствует о том, что сравнительно недавнее прошлое вполне сознательно превращается автором в конструируемый в определенной системе текст, в котором все элементы подчинены двум главным идеям. Не случайно и в личностях организаторов ополчения 1611—1612 гг. автор Нового летописца подчеркивает исключительно качества, характеризующие их как людей, глубоко верующих и поступающих в непростых событиях Смутного времени в соответствии с основами и правилами православной культуры. В целом Новый летописец отразил в рассказе о событиях 1611—1612 гг. утвердившуюся к 30-м гг. XVII в. трактовку событий, превратив историю народного ополчения в символический «знак»: победа оказалась возможна благодаря «вразумлению» людей, возвращению «падшего народа» к основам добропорядочного православного поведения, которое и было освящено помощью Бога и чудотворцев.

Ключевые слова: Новый летописец; мотив упования на Божью помощь; мотив помощи Бога и чудотворцев; реалистические мотивы

Введение

«Книга глаголемая Новый летописец» (далее — Новый летописец), датированная 1630 г., вышла, по мнению многих исследователей, из «правительственных сфер» [8. С. 173], близких к патриарху Филарету.

В этом «обстоятельном, богатом историческими сведениями повествовании о Смутном времени» [1. С. 65] рассказу о народном ополчении 1611—1612 гг. и его организаторах уделено значительное внимание. При этом, в отличие от других памятников, таких как Хронограф 1617 г., Бельский летописец, Иное сказание, Пискаревский летописец, Летописная книга С.И. Шаховского, Рукопись Филарета, важную роль в повествовании играют христианские мотивы, пронизывающие рассказ от начала и до конца. В списке князя Оболенского глава, открывающая рассказ об ополчении, начинается примечательной сентенцией: «Богъ же призрѣ на смиреніе рабовъ своихъ и не восхотѣ отчаяніемъ погинути имъ, даде

помощь не единому граду Москвѣ, но всему государству, отнюду же не надѣяхуся. Въ Нижнемъ бо Новѣградѣ людїе тамо сущїи отъ Бога вразумишася...» [7. С. 144] и держат совет, как избавиться от «Латинскаго насилія» [7. С. 144] и помочь граду Москве, которым «латини обладаша» [7. С. 144]. В дальнейшем весь рассказ об ополчении будет пронизан идеей Божьей помощи, на которую уповают «вразумленные», а сама идея очищения Московского государства в сознании автора Нового летописца будет тесно связана с идеей защиты истинной православной веры.

Мотивы упования на Бога и Божьей помощи

Мысль о защите Московского государства звучит в обращении Кузьмы Минина к нижегородцам: «...сіе бо дѣло вѣліе хошете начати, аще Богъ поможетъ, можетъ все сіе сотворити» [7. С. 144]. Патриотическая идея оценивается в памятнике как «дѣло вѣліе», которое, несмотря на все трудности и кажущуюся невозможность достижения, будет иметь успех, «аще Богъ поможетъ». Эта вера в помощь Бога обусловлена благородством цели — «намъ должно православїа ради, да не будетъ насилувано, и мы обладаеми Латини» [7. С. 145]. С целью вступить за истинную православную веру Минин призывает изыскать «честнаго мужа, кому заобычно ратное дѣло» [7. С. 145]. С этой просьбой приходят посланники к князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому, который «радъ вѣры ради страдати до самыя смерти» [7. С. 145]. Вместе с тем горячее желание защитить православную веру, благородная цель идти «на очищенїе Московскому государству» [7. С. 146] не получают всеобщей поддержки. Автор Нового летописца рассказывает, например, о прямо противоположном желании дьяка Никонора Шульгина и Ивана Биркина в Казани, которые «желаше видѣти в запустѣнїи Московское государство» [7. С. 146]. И тем не менее, невзирая на противодействие, «князь Дмитрій же и Кузьма и вси ратнїи, слышавше сіе положиша на Бога упованїе свое, воспомяна древле сотворшїяся таковыя жъ вещи, яко малыми людьми Богъ поразити можетъ множество сильныхъ» [7. С. 146].

В дальнейшем в рассказе об ополчении мотив упования на Бога князя Пожарского, Минина и всей рати и мотив Божьей помощи им становятся одними из ведущих. Например, по дороге к Москве, отпустив рать с князем Иваном Андреевичем Хованским и Кузьмой Мининым, князь Д.М. Пожарский «поиде съ малою дружиною въ Суздаль въ монастырь Всемилостиваго Спаса и Чудотворца Евфимїа» [7. С. 152]. Из Переславля князь Пожарский и Кузьма Минин и все ратные люди пришли «къ монастырю Живоначальныя Троицы и Чудотворца Сергїа» [7. С. 153], чтобы взять благословение и поклониться «у мошей чудотворцовъ Сергїа и Никона» [7. С. 155]. При этом автор являет в тексте не только единение князя с Кузьмой Мининым и войском, но и единение священства с народным ополчением. Так, «королевские люди», услышав, что в Нижнем Новгороде собирается ополчение, пытались заставить патриарха Гермогена их остановить. Он же отвечал им: «...да будетъ имъ отъ Бога милость и отъ нашего смиренїа благословенїе; на васъ же измѣнникахъ да изліется отъ Бога гнѣвъ...» [7. С. 146]. Архимандрит Дионисий «со всею братїею» [7. С. 155] Троицкого монастыря взял икону Живо-

начальной Троицы и чудотворцев Сергия и Никона «пойдоша изъ монастыря, поюще пѣсни духовныя, вси слезяще и вопіюще, да помилуетъ падшій народъ и да возставитъ паки, и противныхъ рогъ да сокрушитъ, и вѣру не нарушену да сохранитъ, и расточенныя паки да соберетъ; вси же ратніи рыдающе моляху Бога, да милостивъ будетъ имъ» [7. С. 153]. Дувший от Москвы сильный ветер, воспринятый как знак не на благо, привел все войско в ужас («ратніи же вси во ужасѣ быша» [7. С. 153]). Но архимандрит благословлял крестом и кропил водою каждую сотню, подходившую к иконе, «глаголя: идите чада моя, Богъ да поможетъ вамъ, постражите яко добріи воины Христови!» [7. С. 153]. Когда прошли все сотни, архимандрит, уже вслед рати, «воздвиже крестъ рече: силою креста Господня да будете вооружени! и кропляше въ слѣдъ ихъ» [7. С. 153]. В результате ветер переменился, и «ратніи же абіе вси страхъ отложше <...> почюша въ себе нѣкую сладость, и вси премѣнишася на веселіе...» [7. С. 153].

Не желая пропустить гетмана Хоткевича к Москве с припасами, «вси же людіе начаша со слезами взывати къ Богу да помилуетъ падшихъ и сотретъ рогъ сопротивныхъ, и обѣщася вси вкупѣ возвигнути храмъ Пресвятѣй Богородицѣ честнаго Ея Срѣтенія, и Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова, и Чудотворца Петра Митрополита Московскаго» [7. С. 156]. И точно так же, как была услышана молитва к Сергию и ветер переменился, вдохновив на подвиг войско князя Д.М. Пожарского, так и теперь искренняя молитва была услышана Богом: «... Богъ же, услыша вопль призывающихъ его съ вѣрою» [7. С. 156], послал помощь, «охрабри... немощнаго и къ ратному дѣлу неискуснаго» [7. С. 156] Кузьму Минина, который, по согласованию с князем Д.М. Пожарским, перешел за Москву-реку с тремя сотнями и напустился на литовские роты, стоявшие у Крымского двора, которые «Богъ же устраши... предъ нимъ» [7. С. 156], и они побежали к своим таборам. Завершая рассказ об освобождении Москвы, автор пишет: «И тако милостію Божіею и молитвами Чудотворцовъ Московскихъ очистися градъ Москва отъ Латинъ въ лѣто 7121, мѣсяца Октября въ 23 день» [7. С. 158].

Таким образом, мотивы упования на Божью помощь и помощи Бога и чудотворцев распространяются и на ратных, и на организаторов, пронизывая весь рассказ о сборе и деятельности ополчения 1611—1612 гг. Б.А. Успенский в работе «История и семиотика» писал: «История по природе своей семиотична в том смысле, что она предполагает определенную семиотизацию действительности — превращение не-знака в знак, не-историю в историю» [9. С. 11]. В 1630 г., спустя почти 20 лет после описываемых событий, деятельность ополчения под руководством Кузьмы Минина и князя Д.М. Пожарского становится уже тем историческим прошлым, которое «не дано <...> в конкретном опыте и поэтому нуждается в дешифровке и реконструкции» [9. С. 16], сами исторические события и личности превращаются в «дешифруемый текст» [9. С. 17]. Специфика рассказа о событиях 1611—1612 гг., наблюдаемая в Новом летописце, нашедшая выражение в сочетании мотивов, отражающих реальную действительность, и мотивов упования на Божью помощь и помощи Бога и чудотворцев, свидетельствует о том, что сравнительно недавнее прошлое вполне сознательно превращается автором из «не-знака» в «знак», в конструируемый в определенной системе текст. Эта си-

стема отнюдь не новая в истории древнерусской литературы: на протяжении всего предшествующего периода развития (XI—XVII вв.) задачей древнерусского книжника было «передать “образ истины”» (курсив В.В. Кускова. — *О.Т.*). «Этой цели, — писал В.В. Кусков, — подчинен средневековый историзм древнерусской литературы, который неразрывно связан с провиденциализмом. Все события, происходящие в жизни человека и общества, рассматриваются как проявление божественной воли. <...> “Грех ради наших” Бог, по убеждению средневекового писателя, наводит иноплеменных завоевателей, посылает стране “немилостивого” правителя или дарует победу, мудрого князя в награду за смирение и благочестие» [5. С. 11]. Именно в этой системе осмысливает и описывает события 1611—1612 гг. автор Нового летописца, именно поэтому на первый план выходят лейтмотивы упования на Божью помощь и помощи Бога и чудотворцев.

Не случайно и в личностях организаторов ополчения 1611—1612 гг. автор подчеркивает исключительно качества, характеризующие их как людей, глубоко верующих и поступающих в непростых событиях Смутного времени в соответствии с основами и правилами православной культуры. Таковы мотив раздачи жалования ратным, обусловленный не только желанием создать боеспособное войско, но и стремлением помочь людям, и тесно связанный с ним мотив жалости. Забота и милостивое отношение князя Пожарского к ратным оборачивается такими же чувствами воинов по отношению к нему и друг другу. Так, в преддверии боя с гетманом Хоткевичем князь Трубецкой попросил пять конных сотен у князя Пожарского. Князь Дмитрий Михайлович и Кузьма, «надѣяся правдѣ быти, посла къ нему, выбравъ лучшихъ пять сотъ сотень» [7. С. 154]. Во время же первого боя князь Трубецкой устранился, а его казаки, «яко пси лающіи, поношаху, глаголюще: богати пришли изъ Ярославля и сами едина могутъ отбитися отъ гетмана, и много безчествоваху» [7. С. 155]. Видевшие из полка Трубецкого жестокий бой «конныхъ сотень головы», присланные от князя Пожарского, «поѣхаша со всѣми безъ повелѣнія его; Трубецкой же не хотяше ихъ пустити; онижъ не послушаша, и пришедъ въ полкъ къ бѣущимся и велику помощь учиниша» [7. С. 155]. Отношение к «своим полкам» сотенных Пожарского оказывает влияние и на некоторых атаманов полка Трубецкого, которые проникаются общей целью и приходят на помощь ратным князя. Самостоятельность оценок и мышления ратных, самовольное поведение — отличительная черта изображения народа на последнем этапе Смуты не только в Новом летописце, но и в других памятниках Смутного времени. Однако здесь важна сама идея защиты Московского государства, которая, несмотря на многое противодействие со стороны своих же, постепенно становится всенародной. С другой стороны, в повествовании опосредованно акцентируется новая для древнерусских исторических сочинений идея: судьбу страны решают не столько единичные личности, сколько народ, ведомый достойными людьми. И если их воля совпадает с желанием и волей народа, если они освящены идеей защиты православной веры, помощью Бога и искренним, идущим из глубин души упованием на Бога и чудотворцев, то и «малыми людьми Богъ поразити можетъ множество сильныхъ» [7. С. 146].

Насколько типичны мотивы упования на Божью помощь и помощи Бога и чудотворцев для исторических повествований первой трети XVII столетия? Как

ни странно, в таком варианте они не представлены более ни в одном памятнике. Мотив упования на Божью помощь почти не встречается, пунктирно он намечен в Бельском летописце, автор которого вскользь говорит о том, что Д.М. Пожарский и Кузьма Минин, придя под Москву, призывали Бога на помощь и Пречистую Богородицу. Но акценты здесь расставлены иначе, чем в Новом летописце. Мотив Божьей помощи едва намечен в двух самых ранних памятниках — Хронографе 1617 г. и Пискаревском летописце. В Хронографе 1617 г. при общем лаконизме повествования автор многократно подчеркивает, что Минина даровал Господь тем, кто его призывал: «Но есть бог близ всѣмъ, призывающимъ его. Воистиннѣ по великой воспостираемѣй убо милости своей даруетъ ко здравию врачевание. Воздвизаетъ бо нѣкоего от христианска народа, мужа от рода неславна, <...> его же прозваниемъ нарицаху Козма Мининъ, художествомъ бяше прежде говядаръ» (курсив наш. — О.Т.) [4. С. 352]. Аналогичным образом реализуется мотив участия Бога в выдвижении представителя из простого народа в Пискаревском летописце.

Заключение

Новый летописец — это один из немногих памятников, в котором в рассказе о событиях 1611—1612 гг. доминируют лейтмотивы упования на Божью помощь и помощи Бога и чудотворцев, в остальных текстах преимущественно используются мотивы, отражающие реальную действительность, в этих текстах мы имеем дело с относительно «чистой» историей. Иначе обстоит дело с Новым летописцем. В.Г. Вовина, рассматривая данный памятник в ключе спорных вопросов позднего летописания, отмечала: «НЛ не содержит сколько-нибудь оригинальной концепции русской истории за конец XVI — первую четверть XVII в., нет в нем и личного авторского взгляда на события, как, например, во “Временнике” Ивана Тимофеева и в некоторых других сочинениях того периода. Ценность памятника кроме содержащегося в нем богатого фактического материала как раз заключается в отражении наиболее утвердившихся к 30-м гг. XVII в. общепринятых формулировок и оценок Смуты и событий начала царствования династии Романовых» [2. С. 119]. То есть Новый летописец отразил в рассказе о событиях 1611—1612 гг. «утвердившуюся к 30-м гг. XVII в.» трактовку событий, превратив историю народного ополчения в символический «знак»: победа оказалась возможна благодаря «вразумлению» людей, возвращению «падшего народа» к основам добропорядочного православного поведения, которое и было освящено помощью Бога и чудотворцев. По сути, Новый летописец «послушно» отреагировал «на изменение в государственной политике» [6. С. 260], как это делали, по справедливому мнению Я.С. Лурье, и летописцы XVI в.

Вместе с тем автор Нового летописца, усиливший религиозную трактовку событий, отразил общую тенденцию, характерную для «сравнительно поздних» произведений Смутного времени, в которых, по словам А.С. Демина, «начал формироваться желанный успокоительный образ вполне благопристойного “стада Христова”», в отличие от «старопечатных и рукописных памятников массовой предназначенности начала XVII в.», в которых наблюдалась, «по выражению Гер-

могена, “великая слабость” российских людей во время Смуты. Верхи общества страшила и тяготила долгая нетвердость множества людей в основах православия и царепочитания, их какая-то легкость в отступлении от этих основ и затянувшаяся нерешительность в возвращении на путь истинный» [3. С. 370]. В Новом летописце на примере рассказа о событиях 1611—1612 гг. мы можем наблюдать, как происходил с официальной точки зрения возврат «на путь истинный».

© Туфанова О.А., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Список литературы

- [1] *Адрианова-Перетц В.П.* «Смутное время» в изображении литературных памятников 1612—1630 гг. // *История русской литературы.* Т. 2. Ч. 2: Литература 1590—1690 гг. / под ред. А.С. Орлова, В.П. Адриановой-Перетц, Н.К. Гудзия. М.; Л.: АН СССР, 1948. С. 45—77.
- [2] *Вовина В.Г.* Новый летописец и спорные вопросы изучения позднего русского летописания // *Отечественная история.* М., 1992. № 5. С. 117—130.
- [3] *Демин А.С.* Древнерусская литература как литература (О манерах повествования и изображения) / отв. ред. В.П. Гребенюк. М.: Языки славянской культуры, 2015. 488 с.
- [4] Из Хронографа 1617 года // *Памятники литературы Древней Руси: конец XVI — начало XVII веков / вступит. ст. Д. Лихачева; сост. и общ. ред. Л. Дмитриева, Д. Лихачева.* М.: Худож. лит., 1987. С. 318—357.
- [5] *Кусков В.В.* История древнерусской литературы. 5-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1989. 304 с.
- [6] *Лурье Я.С.* Общерусские летописи XIV—XV вв. Л.: Наука, 1976. 283 с.
- [7] Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича, издан по списку князя Оболенского. М.: В Университетской тип., 1855. 190 с.
- [8] *Солодкин Я.Г.* Летописец Новый // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2 (И—О). СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1993. С. 257—263.
- [9] *Успенский Б.А.* Избранные труды. Т. I: Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Гнозис, 1994. 432 с.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 20 февраля 2019

Дата принятия к печати: 28 февраля 2019

Для цитирования:

Туфанова О.А. Христианские мотивы в рассказе о народном ополчении 1611—1612 гг. в Новом летописце // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика.* 2019. Т. 24. № 2. С. 171—178. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-2-171-178>

Сведения об авторе:

Туфанова Ольга Александровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук. ORCID iD: 0000-0002-2254-7969. *Контактная информация:* e-mail: tufoa@mail.ru

Christian motives in the tale of people's militia in 1611–1612 in the New Chronicler

Olga A. Tufanova

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
25A Povarskaya St., Moscow, 121069, Russian Federation

The idea of cleansing the Moscow state, closely related to the idea of protecting the true Orthodox faith permeates the tale of people's militia in 1611–1612 in the New Chronicler. The specifics of the story about the events of 1611–1612, observed in the New Chronicler, which found expression in a combination of motives, reflecting real actions of militia organizing, and motives of hoping for God's help and with God's help and miracle workers indicates that relatively recent past is quite deliberately transformed by the author into the system-constructed text, in which all elements are subject to two main ideas. It is not by chance that in the militia organizers personalities in 1611–1612 the author of the New Chronicler emphasizes exclusively the qualities that characterize them as people who deeply believe and act in the difficult events of The Time of Troubles in accordance with the basics and rules of Orthodox culture. In general, the New Chronicler reflected in the story about events in 1611–1612, established by the 30th years of the 17th century the events interpretation, turning the history of the people's militia in the symbolic "sign": victory was possible thanks to the "admonition" of the people, the return of the "fallen people" to the Orthodox fundamentals of good behavior, which was consecrated by the God's help and miracle workers.

Keywords: New Chronicler; the motive of hoping for God's help; the motive with God's help and miracle workers; realistic motives

References

- [1] Adrianova-Peretts V.P. "Smutoe vremya" v izobrazhenii literaturnykh pamyatnikov 1612–1630 gg. ["Time of Troubles" in the depiction of Old Russian literature's texts of 1612–1630]. In: Orlova A.S., Adrianovoi-Peretts V.P., Gudziya N.K. (eds). *Istoriya russkoi literatury [History of Russian literature]. Vol. 2. Part 2: Literatura 1590–1690 gg.* Moscow; Leningrad, AN SSSR Publ., 1948. Pp. 45–77.
- [2] Vovina V.G. Novyi letopisets i spornye voprosy izucheniya pozdnego russkogo letopisaniya [New chronicler and controversial issues of studying the late Russian chronicling]. *Otechestvennaya istoriya*. 1992. No. 5. Pp. 117–130.
- [3] Demin A.S. *Drevnerusskaya literatura kak literatura (O manerakh povestvovaniya i izobrazheniya) [Old Russian literature as literature (About manners of narration and image)]* / ed. by V.P. Grebenyuk. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2015. 488 p.
- [4] Iz Khronografa 1617 goda [From the Chronograph of 1617]. In: Dmitriev L., Likhachev D. (eds). *Pamyatniki literatury Drevnei Rusi: Konets XVI — nachalo XVII vekov [Old Russian literature: late 16th — early 17th centuries]*. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1987. Pp. 318–357.
- [5] Kuskov V.V. *Istoriya drevnerusskoi literatury [The history of Old Russian literature]*. 5th ed. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1989. 304 p.
- [6] Lur'e Ya.S. *Obshcherusskie letopisi XIV—XV vv. [All-Russian Chronicles of the 14th—15th centuries]*. Leningrad, Nauka Publ., 1976. 283 p.
- [7] *Novyi letopisets, sostavlennyy v tsarstvovanie Mikhaila Fedorovicha, izdan po spisku knyazya Obolenskogo [The New Chronicler, compiled in the reign of Mikhail Fedorovich, was published according to the list of Prince Obolensky]*. Moscow, V Universitetskoi tip. Publ., 1855. 190 p.
- [8] Solodkin Ya.G. Letopisets Novyi [Chronicler New]. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi [Dictionary of scribes and scribbling of Old Russia]. Issue 3 (XVII v.). Part 2 (I—O)*. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1993. Pp. 257–263.
- [9] Uspenskii B.A. *Izbrannye Trudy [Selected Works]. Ch. I. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury [Vol. I. The Semiotics of History. Semiotics culture]*. Moscow, Gnozis Publ., 1994. 432 p.

Article history:

Received: 20 February 2019

Revised: 25 February 2019

Accepted: 28 February 2019

For citation:

Tufanova O.A. (2019). Christian motives in the tale of people's militia in 1611—1612 in the New Chronicler. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 24(2), 171—178. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-2-171-178>

Bio note:

Olga A. Tufanova, PhD, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. ORCID iD: 0000-0002-2254-7969. *Contacts:* e-mail: tufoa@mail.ru